

Николай Михайловский

**О Л. Н. Толстом и
художественных выставках**

Николай Константинович Михайловский

О Л. Н. Толстом и

художественных выставках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2447685

Н. К. Михайловский. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

«Что такое искусство?» – статья гр. Л. Н. Толстого. – Эстетические взгляды Федорова и Эннекена. – Герои и толпа в искусстве. – Четыре художественные выставки.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Комментарии

Николай Константинович Михайловский О Л. Н. Толстом и художественных выставках

«Что такое искусство?» – статья гр. Л. Н. Толстого. –
Эстетические взгляды Федорова и Эннекена. – Герои и
толпа в искусстве. – Четыре художественные выставки.

«Что такое искусство?» – так называется статья гр. Л. Н. Толстого, появившаяся первоначально в московском журнале философии и психологии, а затем в отдельном издании («Посредника»), В эту минуту у меня в руках только первый выпуск этого издания, но и то, что в нем содержится, достойно полного внимания и наводит на серьезные размышления. Да и как могло бы быть иначе? Великий художник пишет об искусстве! <...> Да, но, к сожалению огромного большинства читателей гр. Толстого, так хорошо выраженному в предсмертном письме Тургенева, граф проклял свою прежнюю художественную деятельность, хотя и теперь дарит нас время от времени художественными произведениями. Об искусстве писал он и раньше, но это было прямолинейно и не тонко, что и теперь позволительно было бы скептическое отношение к его ответу на вопрос: что такое искусство?

Быть может, продолжение статьи и оправдывает этот скептицизм – за гр. Толстого никогда нельзя поручиться, слишком капризны ход его мыслей и смена его настроений – но первый выпуск, во всяком случае, содержит в себе нечто значительное и ценное. Некоторая беспорядочность мысли, свойственная вообще философским произведениям гр. Толстого, дает себя знать и здесь, равно как и некоторая излишняя самоуверенность, не раз уже ставившая графа в недостойное его славы положение то открывателя открытых Америк, то человека, презрительно относящегося к вещам, отнюдь презрения не заслуживающим. Одна из странностей гр. Толстого состоит в уверенности, что у него нет предшественников, кроме Конфуция, Будды и других, веками и тысячелетиями отдаленных от нас авторитетов. Черта эта проглядывает и в статье «Что такое искусство?». Но на этот раз гр. Толстой дал себе по крайней мере труд просмотреть некоторые книги, касающиеся предмета его статьи, и нашел между ними кое-что «хорошее», «очень хорошее, недурное» и даже «очень хорошее». Он приводит длинный ряд предложенных разными философами и учеными определений красоты и искусства. Правда, большинство этих определений он берет из вторых рук (из книг немца Шасслера и англичанина Найте) и даже Шопенгауера, в котором видел некогда альфу и омегу мудрости, цитирует не по подлиннику. Всеми этими определениями гр. Толстой более или менее недоволен и дает свое собственное, как ему кажется, совершенно но-

вое. Это не совсем верно. Я не знаком со всею обширною литературою предмета, но, как читатель увидит, в состоянии буду указать некоторые пробелы в обзоре гр. Толстого, пропуски некоторых эстетических взглядов, в которых он мог бы найти поддержку своему ответу на вопрос «что такое искусство?». Но граф поддержки не любит, он все сам... Это не мешает, однако, его ответу быть в высокой степени интересным. Гр. Толстой начинает с указания на то, какое огромное место в нашем обиходе занимает искусство и каких оно огромных денег стоит, – художественные академии, выставки, консерватории, драматические школы, театры, романы, повести, стихи. Но не только все это денег стоит, денег и разнообразного усиленного труда. Гр. Толстой вспоминает, как он однажды присутствовал на репетиции какой-то оперы. «Трудно видеть более отвратительное зрелище», – говорит он. Не говоря о бессмысленности сюжета, его поразила невидная для публики закулисная сторона приготовлений к спектаклю; начальство – дирижер оркестра, режиссер мучили актеров и музыкантов, заставляя их десять раз повторять не дававшиеся им движения и звуки, мучились сами и злобно ругались. «Слова: „ослы, дураки, идиоты, свиньи“, обращенные к музыкантам и певцам, я слышал в продолжении часа раз сорок». «Вся эта гадкая глупость изготовляется не только не с доброй веселостью, не с простотой, а со злобой, с зверской жестокостью. Говорят, что это делается для искусства, а что искусство есть очень важное дело. Но правда

ли, что это искусство и что искусство есть такое важное дело, что ему могут быть принесены такие жертвы? Вопрос этот особенно важен потому, что искусство, ради которого приносятся в жертву труды миллионов людей и самые жизненные человеческие *и, главное, любовь между людьми*, это самое искусство становится в сознании людей все более и более чем-то неясным и неопределенным... Искусство, поглощающее огромные труды народа и жизней человеческих и *нарушающее любовь между ними*, не только не есть нечто ясно и твердо определенное, но понимается так разноречиво своими любителями, что трудно сказать, что вообще разумеется *под искусством и в особенности хорошим, полезным искусством*, таким, во имя которого могут быть принесены те жертвы, которые ему приносятся».

Остановимся немного на этих словах. «Великий писатель русской земли», – как красиво назвал гр. Толстого Тургенев, великий как художник, как тонкий наблюдатель внешнего и внутреннего, душевного мира и как творец образов и картин необычной яркости и силы. Это не мешает ему крайне небрежно обращаться с русским языком. В этом большой беды, конечно, нет, но иногда небрежность языка является у гр. Толстого отражением некоторой беспорядочности мысли. Прошу читателя обратить внимание на подчеркнутые в только что цитированной странице слова: брань, которою театральное начальство осыпало певцов, музыкантов, танцовщиц (мелкую сошку, потому что с г. Фигнером и с г-

жей Кшесинской^[1] так не обращаются, конечно), свидетельствует, что известный род искусства «нарушает любовь между людьми». Это заставляет думать, что между театральным начальством и театральной мелкой сошкой была любовь и только вот репетиция, или вообще театр, «нарушила» этот будто бы основной фон человеческих отношений. В этом позволительно, конечно, сомневаться. Далее гр. Толстой хочет ответить на вопрос, совершенно ясно и просто поставленный: что такое искусство? Но уже в самом приступе к ответу на этот вопрос последний осложняется другими, его затемняющими: есть ли именно опера, изображенная автором в комическом виде¹, искусство? есть ли искусство (и на этот раз искусство вообще) «важное дело»? Что следует разуметь под искусством, и «в особенности хорошим, полезным искусством»? Сбитые в одну беспорядочную кучу в самом приступе к делу, эти вопросы и читателя путают и заставляют опасаться, что и в дальнейшем изложении автор вплетет в свой ответ на свой же коренной вопрос много постороннего, что невыгодно отразится на всей его работе. Это и случилось с гр. Толстым. Но в одном месте он дает ничем не затемненное и поистине превосходное определение искусства, которое и приведу теперь же:

¹ Я не привожу этого комического описания шествия людей в желтых башмаках с фольговыми алебардами на плечах, человека, наряженного в какого-то турка, который, странно раскрыв рот, пел «Я невесту сопровожд-а-аю», и т. п. Напомню только, что в четвертой части «Войны и мира» есть подобное же описание какой-то оперы.

«Вызвать в себе раз испытанное чувство и, вызвав его в себе посредством движений, линий, красок, звуков, образов, выраженных словами, передать это чувство так, чтобы другие испытали то же чувство, — в этом состоит деятельность искусства. Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно, известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их».

Повторяю, это определение превосходно и притом столь ясно, что если бы гр. Толстой напечатал только его, без всякой даже аргументации, то, по-видимому, оставалось бы его лишь приложить к делу критики... ну, хоть «Песни о погибшем сыне» г. Захарьина-Якунина^[2]: несмотря на то, что чувства г. Захарьина облечены в стихотворную форму, его «песнь» не заслуживает названия художественного произведения, потому что не способна заразить этими чувствами других; а не способна потому-то и потому-то.

Но гр. Толстой не ограничился приведенным определением. Он комментирует его. Он предпослал ему обширное вступление, которым мы сейчас займемся, а впереди нас ждет еще продолжение статьи, за достоинства которого есть основания опасаться.

В определении искусства мы встречаем чрезвычайное разнообразие у разных мыслителей и ученых, в том числе и специалистов по эстетике. Что же касается «среднего чело-

века», то он «твердо убежден в том, что все вопросы искусства очень просто и ясно разрешаются признанием красоты содержанием искусства; для среднего человека кажется ясным и понятным то, что искусство есть производство красоты, и красотой объясняются для него *все* вопросы искусства». Но если его спросить, что такое сама красота, то он окажется в затруднении ответить. Да и мыслители и ученые опять же очень на этот счет разногласят. Приведя длинный ряд разных определений красоты, гр. Толстой разделяет их на две группы: одни – объективные определения, другие – субъективные. Но затем оказывается следующее: «Красотой в смысле субъективном мы называем то, что доставляет нам известное наслаждение. В объективном же смысле красотой мы называем нечто абсолютно совершенное и признаем его таковым только потому, что получаем от проявления этого абсолютно совершенного известного рода наслаждение, так что объективное определение есть не что иное, как только иначе выраженное субъективное. В сущности, и то, и другое понимание красоты сводится к получаемому нами известного рода наслаждению, то есть что мы признаем красотой то, что нам нравится». Отсюда гр. Толстой заключает, что определение искусства должно быть установлено совершенно помимо понятия о красоте. Вся существующая эстетика без толку бьется около этого пункта. Будь она достойна названия науки, она должна бы была «определить свойства и законы искусства или прекрасного, если оно есть со-

держание искусства, или свойство вкуса, если вкус решает вопрос об искусстве и о достоинстве его, и потом, на основании этих законов, признавать искусством те произведения, которые подходят под эти законы, и откидывать те, которые не подходят под них». Но современная эстетика видит свою задачу, наоборот, в том, чтобы, «раз признав известные произведения хорошими, потому что они вам нравятся, составить такую теорию искусства, по которой все произведения, которые нравятся известному кругу людей, вошли бы в эту теорию».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Фигнер Николай Николаевич (1857–1918) – известный оперный певец. Кшесинская Матильда (Мария) Феликсовна (1872–1971) – балерина. Оба артиста были солистами Мариинского театра в Петербурге.

2.

Захарьин-Якунин – литературный псевдоним И. Н. Захарьина, оставившего после себя в основном литературные и исторические воспоминания о военных. В «Песне о погибшем сыне», произведении, явно слабым, смерть мальчика описывается очень картинно и нереально.